

В. В. Колесов

Старая рукопись и орфографическая традиция

Studia Rossica Posnaniensia 10, 77-90

1978

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

В. В. КОЛЕСОВ

Ленинград

СТАРАЯ РУКОПИСЬ И ОРФОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Какую старую рукопись ни взяли бы мы в руки — она ценна своей уникальностью и информативностью. Она всегда единственная в своем роде и потому является источником самых различных сведений, характер которых иногда трудно предугадать заранее. Можно много говорить об этом свойстве древних рукописных источников, здесь на одном примере мы еще раз подчеркнем значение любой рукописи как письменного источника по истории языка, как свидетеля одной, пусть самой краткосрочной стадии в его развитии, как выразителя глубокой индивидуальности писца и вместе с тем как информатора о языке его времени. Из таких частных источников слагается широкий поток сведений о непрекращающемся развитии языка, письма, литературы, общества. Исчезла одна рукопись — утрачено звено в цепи информации и в системе доказательств. Индивидуальность рукописи — это универсальное свойство, которое делает ее важной в источниковедческом и ценной в библиографическом смысле.

Описывая архаическую систему церковнославянского (старообрядческого) произношения, Б. А. Успенский отмечает ее особенности: такая система — система чтения церковнославянских текстов, т.е. ориентировка на систему письма (при чтении как можно ближе следовать написанию). Только некоторые буквы при чтении не различаются, например, *ѵ* и *ї*, *Ю* и *А* (т.е. юс малый), *є* и *е*; следовательно, собственно графика ни с произношением (фонетикой), ни с фонологией (различительной функцией отдельных звуков) никак не связана непосредственно.

Некоторые буквы читаются иначе, чем в современном русском литературном произношении. Так, /г/ произносится с фрикацией — [ɣ]. А это, в свою очередь, демонстрирует уже чистую условность всего архаического церковнославянского произношения, указывает на возможный разрыв между произношением и орфографией, поскольку непосредственной (логической или генетической) связи между написанием *г* и произношением [ɣ] в русском языке и письме нет, она создана искусственно и довольно поздно.

В третьих случаях различие букв сохранилось, но носит совершенно другой смысл по отношению к исходному. Так, различие букв *e* и *ѣ* в старообрядческом литургическом произношении тщательно соблюдается, но указывает не на различие между фонемами /ê/ и /e/ (они совпали с /e/), а на мягкость или твердость предшествующего согласного: перед *ѣ* согласный произносится мягко, перед *e* — твердо или полутвердо. То же соотношение по мягкости-твердости согласных в положении перед старыми редуцированными, которые произносятся как полугласные или даже гласные типа [э] или [i]. Такие примеры указывают и на условность, и на изменчивость связей между произношением и орфографией. Поэтому прямолинейные заключения о характере произношения на основе определенного типа письма становятся сомнительными и некорректными. Каждая отдельная рукопись требует предварительной расшифровки и специального комментария.

Наконец, такое архаическое произношение характеризует стремление избежать ассимиляционных и других позиционных изменений, например, редукции гласных или оглушения согласных в определенных позициях. Обычная речь уже требует произношения типа [вада́] или [у́ска], а ритуальное произношение сохраняет старый набор фонем [вода́] и [у́зка]. Все такие отклонения от современного произношения обычно связаны со следованием фонем в потоке речи и отражают синтагматическую систему фонем современного языка. Следовательно, орфографические изменения письменного текста оказываются связанными прежде всего с синтагматическими изменениями речи. Это одновременно осложняет и облегчает работу по расшифровке древнего источника.

А теперь приведем конечный вывод Б. А. Успенского. Он полагает, что старообрядческое ритуальное произношение в конечном счете восходит к древнерусскому литургическому произношению, а „истоки рассмотренной выше системы литургического произношения станут возможным искать где-то неподалеку от времени Владимира Святого”¹. Такая возможность весьма заманчива. Однако в свете всего сказанного о материалах и фактах Б. А. Успенского его окончательный вывод неверен. К сожалению, не верен.

Обоснование этого начнем с предварительных общих соображений, вытекающих из сопоставления письма и произношения старообрядцев.

Взаимоотношение между языком и письмом лучше всего рассматривать на синтагматических изменениях, поскольку они ближайшим образом и полнее всего отражаются в орфографических отклонениях от нормы, в каждой фонологической системе представляют собою самое типичное и последовательное изменение, указывающее на индивидуальные особенности именно данной системы в ее отличии от всех прочих систем, а именно это и позволяет совместно и с большой степенью точности изучать произношение и написание

¹ Б. А. Успенский, *Архаическая система церковнославянского произношения (из истории литургического произношения в России)*, Москва 1968, стр. 100.

в один определенный исторический период. Аканье может быть разного происхождения, но в конкретной системе оно только одного типа и вполне однозначно передается в орфографических отклонениях; исследователю остается расшифровать соотношение между письмом и произношением, чтобы однозначно заключать о характере аканья данного типа. Рассмотрение фонетического изменения превращается в последовательную цепь расшифровок бесконечного числа письменных источников.

Таким образом, исследовательское углубление в далекое прошлое происходит не плоскоформально, методом типологического подобия, а постепенными ретроспективными срезами: каждый новый срез системы очищается от орфографической шелухи и только затем сравнивается с последующим срезом. Это кропотливая работа археолога, который постепенно счищает слой за слоем временные напластования, чтобы извлечь скрытый в земле кувшин.

По этой же причине тот, кто считает выводы исторической диалектологии, построенные на материале только современных говоров, единственно доказательными, сильно ошибается и вводит в заблуждение своего читателя. Как правило, современные диалектные данные, даже взятые во всем их объеме, сами по себе не представляют законченной системы и в основных своих особенностях не уходят глубже XVI века. Для реконструкции более ранних стадий в развитии языка они попросту бесполезны.

Рассмотрим соотношение между неравномерно изменяющимися устной и письменной традициями (которые весьма условно называются нормой) на примере конкретной рукописи XVIII века, написанной старообрядцем в Казанском Поволжье. Это Цветник из собрания ИРЛИ в Ленинграде (оп. 24, № 80).

Для наших целей рукопись подходит как нельзя лучше. Она написана одной рукой, старообрядцем, который знаком со службой. Написана не столь давно, что позволяет говорить об относительном сходстве его отклонений от орфографической традиции с современным чтением старообрядцев. В этой рукописи значительное число орфографических отклонений, которые группируются во вполне определенные и легко обозримые типы. Все такие отклонения демонстрируют определенную закономерность, ближайшим образом связанную с произношением писца — и, вместе с тем, они никак не повторяют особенностей, описанных для XVII в. Л. Л. Васильевым и принятых Б. А. Успенским. Сто лет спустя, к началу XVIII в., в некоторых старообрядческих рукописях изменилось соотношение между орфографией и произношением, хотя и орфография, и произношение в отдельных своих звеньях оставалось достаточно архаическим и, безусловно, уже не соответствовало ни орфографическим, ни орфоэпическим нормам того времени.

Прежде всего, верность произношению отражается в расстановке знаков ударения: они передают архаическое, в отдельных случаях сохраненное и со-

временными поволжскими говорами, ударение. Ср. такие акцентовки, как вин. ед. *цѣну* 22, *стѣну* 22 б, *в грѣзу* 76, *в смѣлу* 76 б, *возметѣ* 187, *принесетѣ* 272, *объвилсѣ* 206, 208, *терпѣть* 296, 318, *держимѣ* 312, *тѣмѣть* 413 б, *на сласть* 276, *о гневѣ* 357, *от гнева* 260, *на страхъ* 383. Все они, в своей совокупности, отражают именно северовосточную систему ударения, характерную для XVII - XX вв. Такие акцентовки совершенно не характерны для южнорусских говоров этого времени, а северозападные дают иной набор акцентных характеристик. Так, например, в северозападных говорах и рукописях мы ожидали бы ударение *цену́*, *стену́*, *грозу́*, *смолу́*, *принесѣте*, *возмѣте*, хотя оттяжки типа *со́ страху* там вполне возможны. Даже территориально близкие к поволжским вологодско-вятские говоры отличались бы отсутствием оттяжек типа *на́ страхъ*, хотя ударение *несетѣ* и под. там также сохранялось достаточно долго. В детальное рассмотрение акцентных характеристик рукописи не входим. Для нашей темы вполне достаточно установить архаический облик этих акцентов и определенную их принадлежность к диалектному ареалу владими́ро-поволжского типа.

Взаимоотношение орфографии и произношения, столь важное в концепции Л. Л. Васильева и Б. А. Успенского, можно проследить на ряде извлеченных из нашей рукописи фактов.

Прежде всего, в ней последовательно передается *e* из слабого *ь* в словах *солнце* и *сердце*, ср. *со́лнце* 28, 34 б, 36, 88, 189, *очю́ сердце твоего* 30, *сѣрдца своего* 31, 60, 172, вин. мн. *сѣрдца* 88, в *сѣрдцы* 121, 252 б. Б. А. Успенский специально отмечает, что в этих именно словах старообрядцы до сих пор произносят гласный типа [e] ([сердце], [солнце]), восходящий к древнерусскому произношению слабого редуцированного в сложной группе согласных как [e]. Таким образом, мы снова сталкиваемся с прямолинейным отождествлением современного архаического произношения ритуального типа с древнерусской фонетической системой². Об отражении подобного произношения в старообрядческих рукописях Б. А. Успенский не говорит, полагая, что „не является случайным то обстоятельство, что это особое произношение сохранилось в словах, которые, как правило, пишутся под титлой, и где, следовательно, более актуальной была устная традиция”³. Почему произношение [e] на месте слабого *ь* в этих именно словах объясняется иначе, чем во всех прочих аналогичных случаях вполне ясно: в других случаях произношение [i], а не [e] (ср. [днес’⁴] ’днесь’) вместе с гласным призвуком дает и смягчение предшествующего ему согласного, тогда как перед [e] согласный является твердым ([сердце]). Следовательно, такое произношение мы должны связать либо со временем до вторичного смягчения согласных, либо со вторичным и внешним воздействием со стороны искусственного литургического произношения⁴.

² Б. А. Успенский, указ. соч., стр. 48 - 50.

³ Там же, стр. 50 - 51.

⁴ Сам Б. А. Успенский склоняется ко второму решению, см. указ. соч., стр. 77 - 78.

Тем не менее непосредственной связи между написанием *сердце* и произношением [сердце] (т.е. [сэрдэцэ]), несмотря на их поразительное совпадение, может и не быть. Во всяком случае, совершенно точно утверждать, что *сердце* в рукописи начала XVIII в. следует читать как [сэрдэцэ], мы не можем. Графический знак *e* обозначает всего лишь гласность в сложной группе согласных, трудно произносимой без гласного, но никакой информации о характере предшествующего согласного не дает. Возможности реконструкции исходя из механического сопоставления старого написания и старого произношения здесь минимальны, и тем самым мы утрачиваем промежуточное звено хронологической цепи (в скобках дана транскрипция): *сърдьце* [сърдьц'е] или [сърдец'е] — *сърдьце* [с'ърд'ьц'е] или [с'ърд'ец'е] — *сердце* или *сердце* [сердце] или [с'ерд'ец'е] — *сердце* [с'ерце].

В качестве достоверного соответствия у нас остается исходное написание и произношение *сърдьце* [сърдьц'е] и современное ритуальное [сэрдэцэ], возможное наряду с литературным [с'ерцэ]. Неоднозначность каждой отдельной формы дает возможность для самых различных интерпретаций. Но сначала нам нужно реконструировать каждый отдельный хронологический уровень — в системном его виде. Нужно уяснить атмосферу соотношения между звучанием и написанием.

Попробуем прояснить взаимные отношения всех элементов фонетической структуры наших слов на границе XVII - XVIII вв., исходя только из данных рукописного источника и не обращая ни к каким косвенным данным относительно возможностей тогдашнего произношения. Такие возможности вовсе не обязательны для нашего писца и потому абсолютно бесполезны в любой реконструкции текста. Проведем „внутреннюю реконструкцию” текста, связанную со взаимными отношениями правописания и произношения. Следовательно, нам предстоит выяснить: возможность сохранения гласной вставки [e] в [сердец'е], т.е. ее появление еще в древнерусском языке; зависимость этой вставки от характера окружающих согласных, в частности, сонорных (поскольку речь идет о словах *сердце* и *солнце* как исключениях из общего правила произношения прежних „редуцированных” гласных); характер „мягкости” согласных в положении перед передними гласными.

Что касается первого, т.е. сохранения слабого редуцированного в сложной группе согласных, то это — обычное для русского языка выравнивание типа *мудрьць* — *мудрьца* > *мудрец* — *мудреца* (вместо ожидаемого *мудрця*). Примеров такого рода в русском литературном произношении довольно много, и все они связаны с продуктивными словообразовательными единицами. Морфемное членение *мудр=ьц=ь* — *мудр=ьц=а* сталкивается с фонетическим усложнением *мудрца* и дает фонетически невыгодную, но морфологически удобную модель *мудр=ец* — *мудр=ец=а*. *Солнце* и *сердце* являются исключением в том смысле, что они утратили связь с производящими **sъl(n)=и* и **sъr(d)=и* вошли в новую систему языка как производные. Конфликт

между фонетической и морфологической формой решен в пользу фонетики: слабый редуцированный [ь] закономерно утрачивается, происходит упрощение сложной группы согласных с результатом [сонцэ], [с'ерцэ]. Сущность архаизма в написании *сердеце* и в произношении [сэрдцэ] — в ориентации на продуктивную словообразовательную модель, на тип *мудреца* [мудр'еца], а, следовательно, это и не есть собственно архаизм. Во всяком случае написание *сердеце*, встреченное в рукописи XVII века, не может быть непосредственно связано с древнерусским (XII века) написанием *сърдьце*, как полагает Б. А. Успенский⁵, потому что общее отношение ее к сходным и синхронным ей фактам каждый раз иное. В XII в. это факт фонетики⁶, в XVII — может быть и не фонетики.

Есть еще одна характеристика слов *солнце* и *сердце*, отличающая их от всех остальных производных с суффиксом =*ьц*= . Только эти два слова вплоть до XVII в. сохраняют подвижность ударения, отмеченную, в частности в севернорусской Псалтири XVI в. ГПБ, Ф. I. 7: *сэрдце* 38, 115 — *сэрдцемь* 97, 103, — *въ сэрдцихь* 5б, *отъ сердцá* 37, *сердцá моего* 50, 110 — *въ сердцй своемь* 13, 15 — им. мн. *сердцá* 117 — *сердэць* 113 — *въ сердцйхь своихь* 99б, 106 (то же и *солнце*, хотя примеров акцентовки этого редкого слова гораздо меньше). Выделяется форма род. мн. *сердэць* с новоакутовым по происхождению, фонологически сильным ударением, которое в современных говорах аналогически воздействует на ударение всех прочих форм, ср. *кóнь* с новоакутовым ударением и выравнивание по именительному падежу в косвенных формах *кóня*, *кóню* и т.д. В таком случае возникает вопрос, не подобной ли аналогии обязано произношение, а, следовательно, и написание *сердеце*, *сердеца*, не отражает ли оно произношения *сердэце*? В нашем случае ответ может быть только отрицательным, поскольку сам текст указывает на подвижность ударения, но саму возможность такой аналогии вовсе нельзя отрицать. Да и подвижность ударения могла стать тем консервирующим средством, которое сохранило в наших словах полный набор фонем, ср. род. ед. *сэрдца* — вин. мн. *сердецá* как *гóлову* — *голова́* с характерным для подвижных основ перемещением ударения с одного крайнего слога на другой и с пропуском срединного, какого бы происхождения этот последний ни был. Ударение — второе морфонологическое ограничение нашему желанию современные или достаточно поздние факты соотнести непосредственно с древней языковой системой.

Кроме того, оказывается, что по употреблению „неожиданной” гласной вставки слова *солнце* и *сердце* вовсе не уникальны. Уже и в нашей рукописи мы находим написания *во утробу девичею* 1 б, *при цѣре Иоанне Василевиче* 2, 417, *в мегновение ока* 34, *предотеча* 53, *предотечею* 53 б, *претекнула* 126, *в законныхъ запсѣдехъ* 127 б; в других северных рукописях XVII в. (только в пинеж-

⁵ Б. А. Успенский, указ. соч., стр. 50.

⁶ См.: В. М. Марков, *К истории редуцированных гласных в русском языке*, Казань 1964.

ских и мезенских) подобные примеры встречаются гораздо чаще⁷, всегда в сложных для произношения группах согласных и притом в архаических, ставших книжными, формах (*оставлеше, богатество, крѣплеши* на месте *оставльшие, богатство, крѣльши*). Ничто не мешает нам написания *солнце* и *сердце* объединить с этими последними одним общим объяснением: ведь графическим средством выражения гласного в обоих случаях выступает один и тот же знак *e*.

Второе, что нас интересует — зависимость наших исключений от окружающих согласных, особенно от сонорных. Плавные *p, л*, действительно, ведут себя несколько странно в северных рукописях, написанных в XVII - XVIII вв.⁸, в том числе и в нашем Цветнике, где находим (в скобки поставлена пропущенная на письме буква): *въ нозд(р)иихъ* 87, *пот(р)ебника* 204, *на об(л)агѣхъ* 41 б, *внут(р)ь* 96 б, *ско(р)биши* 26, *п(р)евносимъ* 375 б, *ве(л)ми* 289, *на зем(л)и* 178 б, *те(р)путь* 299 б, *отве(р)гшимъ* 244, *неп(р)авду* 12 б и др., а также смешения букв *p* и *л*: *тересное* 336 'телесное', *во шартыри* 301, *долготерь/перивыи* 318, *гъава* 254 б 'глава', *кревету* 262 б, *пѣакати* 393 б 'плакати', даже *в недѣра своя* 300 с характерной длительностью (*p*). Аналогичные написания часто встречаются в древнерусских рукописях северного письма, они указывают на длительность (*л*) и особенно (*p*), их своеобразную „полугласность“. В сочетании с соседним гласным плавный дает одну общую ступень длительности, представляет „один и тот же“ гласный и потому на письме может опускаться как лишний знак. В этом отношении сходны с ними и сонорные (*в*), (*н*), ср. написания типа *къ т(в)орцу* 117, *до ко(н)ца* 390 б, *табаши(и)ка* 108. Положение возле сонорного, таким образом, также могло стать причиной сохранения гласности в словах *сердце* и *солнце*, вокалическая вставка (*е*) позволяла сохранить полный набор фонем этих слов.

Самый интересный материал связан с характером „мягкости“ согласных; рассмотрим обозначение мягкости-твердости согласных, представленное в рукописи.

После падения редуцированных знаки *ь* и *ѣ* уже не передавали звучания „полукратких“ гласных и (в условиях слитного письма) сохранялись только как графическое средство обозначения конца слова, ср. *кнАзьвидетькивеоу*. Разница между *ь* и *ѣ* очень рано, с XIII в., стала использоваться для различения мягкости или твердости предшествующего согласного. Например, в приведенном отрывке оба знака *ь* обозначают мягкость основы имени существительного *кнАзь* и мягкое окончание глагола в 3 лице ед. числа *идеть*. Эти случаи довольно простые, потому что исконными для восточных славян как раз и были окончания *кнАзь* и *идеть*. В употреблении *ь* здесь можно видеть и фонетическую

⁷ См.: В. В. Колесов, *Различительные особенности языка и письма в севернорусских рукописях Пушкинского дома*. В кн.: *Рукописное наследие Древней Руси*, Ленинград 1972, стр. 357 - 358.

⁸ Там же, стр. 347 - 349.

мягкость согласных, и графический знак конца слова и орфографически традиционное написание с *ь*. Лингвистическое значение подобных написаний незначительно именно из-за их многозначности: толковать их можно по-разному.

Гораздо важнее написания типа *съ/мерть* 78, *мь/нозѣхъ* 44 б, *кѣ/ниги* 40 б, *кѣ/нази* 45, *кѣ/назь* 47 (но *кназь* 48 без переноса на следующую строку), которые изредка встречаются в нашей рукописи. Они определенно двузначны: это традиционное орфографическое обозначение конца строки, т.е. условный графический знак традиционного употребления. Мы получаем информацию о графике и орфографии, за которыми нельзя искать никаких фонетических закономерностей речи, настолько условны эти правила.

Вместе с тем возможны аналогичные написания с *ь* или *ѣ* в конце строки, с той только разницей, что знаки *ѣ* и *ь* в этом положении никогда не были этимологически обусловлены, как в случаях *жизь/нь* или *доль/жны*. Знаки *ь* и *ѣ* в таких случаях никогда не обозначают гласных, следовательно, они не имеют отношения к орфографии. Имеют ли они чисто графическое значение конца рукописной строки? Возможно, и даже вероятно. И это обесценивало бы значение всех подобных фактов, если бы не два обстоятельства. Во-первых, неэтимологические *ѣ*, *ь* возможны не только в конце строки, но и в свободной середине слова, ср. *такожьѣѣ*, *манѣтию*, *молитѣву*, *слава*. Во-вторых, возможно смешение исконных *ь* и *ѣ* в конце строки и *ѣ* в середине строки, ср. *небесью* на месте исконного *небесью* или *жадьна* на месте *жадьна*. Оказывается, что чисто графическое правило конца строки не покрывает всех случаев употребления неожиданно возникающих на письме знаков *ь* и *ѣ*, имеются гораздо более широкие условия их употребления. Эти условия определяются фонетической позицией в слове: *ѣ* или *ь* используются для обозначения мягкости или твердости согласного в сочетании с другим, последующим согласным.

Отсутствие орфографических осложнений способствует наиболее точным фонетическим интерпретациям древнего текста.

Памятники, связанные с ростово=суздальским диалектом, уже в XIV в. отражают позиционное смягчение согласных написаниями типа *сѣвѣть* или *сѣ серебромъ*. Новгородские и псковские рукописи таких примеров не дают⁹, ничего не известно о них и в южнорусских текстах¹⁰. Из северных рукописей более позднего времени (XVII в.) ассимиляцию согласных по мягкости-твердости отражают только некоторые мезенские, которые своей письменной традицией вообще связаны с московскими рукописями¹¹. Таким образом, только в северо-восточной Руси позиционное отверждение или смягчение согласных

⁹ К. В. Горшкова, *Очерки исторической диалектологии Северной Руси*, Москва 1968, стр. 83 и сл.

¹⁰ См.: С. И. Котков, *Южновеликорусское наречие в XVII столетии*, Москва 1963.

¹¹ См.: В. В. Колесов, *Различительные особенности языка*, указ. соч., стр. 352.

(безразлично к их качеству) является важной особенностью произношения и письма. Произношение она отражает потому, что связана с противопоставлением согласных по мягкости-твердости и с утратой такого противопоставления в слабой позиции. Вместе с тем эта особенность обнаружена только в памятниках московского письма. Южнорусским говорам также свойственно противопоставление согласных фонем по мягкости-твердости, но в южнорусских памятниках письменности оно никак не отражается.

В нашей рукописи 182 достоверных случая обозначения мягкости или твердости согласного в положении перед следующим согласным, мягким или твердым. В позиционном отношении они распределяются следующим образом:

Таблица 1

Смягчение согласного перед следующим мягким согласным

пре- дыдущий согласный	последующий согласный		
	зубной	губной	ж, ч
зубной	35	2	—
р	10	6	1
ж	5	—	—

Таблица 2

Отверждение согласных перед следующим твердым согласным

пре- дыдущий согласный	последующий согласный				
	зубной	губной	заднеязыч- ный	л, р	шипящие и ц
зубной	34	11	7	10	1
губной	10	—	—	5	1
заднеязычный	—	2	—	2	—
л, р	6	—	—	—	8
шипящие и ц	1	—	—	1	—

Исключения: 1) заднеязычные перед зубными — *гъ/невливаю* 359, *къ/нигы* 40 б, *къ/нази* 45, *къ/назь* 47; 2) л, р, перед всеми мягкими: *исполь/нить* 267, *желъ/чи* 66, *безъ/моль/вие* 235, *мольчание* и др. (всего 8 раз); 3) зубные перед л, р; *корабъ/ль* 255 б, *въсехъ* 174, *отступъ/лъние* 220 б, *пъ/рестолы* 224 б, *погубъ/лаес/ть* 243, *гневъ/ливъ* 253 б и др. (всего 10 раз).

Все исключения, таким образом, касаются заднеязычных, губных и плавных *р*, *л*, т.е. тех согласных, которые дают парные по мягкости-твердости не во всех русских говорах. Наша рукопись также указывает некоторые колебания в мягкости-твердости этих согласных, ср., например, *любовь* 9 б, *нетопыри* 412 б — *нетопири* 413 б, *огнь палАщь* 10 б, *корабъ/ль* 93. Неопределенность фонетического качества этих согласных связана с фонологическим отсутствием их противопоставления по мягкости-твердости. Это и отражено в колебаниях на письме. Приведенные исключения, таким образом, только подтверждают важность всех тех примеров, которые представляют закономерное „отверждение” или „смягчение” согласного в положении перед следующим твердым или мягким согласным.

В свою очередь, эти последние неоднородны. С одной стороны, написания типа *жизь/нь*, *нѣсь/ть* или *сѣлаву* отражают мягкость или твердость (переданы соответственно знаками *ь* и *ѣ*), постоянную для данного согласного. В какой бы форме мы ни получили слово *жизнь*, /з'/ постоянно мягкий звук в данном сочетании согласных, ср. парадигму *жизнь*, *жизни*, *жизнюю*, *жизнень* и т.д. В этой позиции „этимологически” твердый /з/ является постоянно мягким, он ни в коем случае не „проверяется” твердым /з/ и не соотносится с ним в пределах данной морфемы. Назовем такую позицию согласного изолированной. Написание *жизнь*, таким образом, — традиционно орфографическое, написание *жизьнь* отражает мягкость /з'/.

С другой стороны, в одном и том же слове возможно колебание между мягким и твердым согласным. Например, в нашей рукописи встречаются следующие варианты написания: *мѣсь/те* — *мѣс/те* — *мѣсте* — *мѣ/сте* — *въ мѣсь/то*. Средние примеры — традиционные орфограммы, которые не несут никакой информации относительно произношения писца. Крайние же написания отражают его произношение, указывая на употребление мягкого /с'/ перед следующим мягким согласным, твердого /с/ в положении перед следующим твердым согласным. Однако уже сама возможность варьирования /с/ с /с'/ очень характерна; /с'/ в данном случае находится не в изолированной морфологически, а в слабой позиции. Слабой она является благодаря возможности чередования с „этимологически” твердым /с/, однако практически никогда, ни в какой словоформе /с — с'/ здесь не может „провериться” сильной позицией перед гласным, подобно случаю *дѣ/ни*: для последней возможна форма *день*.

Теперь мы можем привести все примеры рукописи, расположив их по позициям: изолированной (1) и слабой (2).

Смягчение согласного. 1) *прежьде* 236, 566, 706, *светлось/ти* 376, *насажь/деная* 376, *такожьдѣ* 44, *жизь/нь* 446, *жизь/ни* 2356, 2466, 2906, *нѣсь/ть* 79, *маньтию* 100, *скупось/тию* 1176, *есь/тество* 166, *милось/тиви* 174, *ись/-тешнаго* 175, *во ись/тину* 422, *не весь/ть* 1806, *милось/ть* 191, *паки начать чесь/ти* 'читать' 201, *песьни* 2036, *причась/тилася* 209, *прелѣсь/тници* 225, *юнось/-*

ти 228б, *отвесь/ти* 247, *немилосътивъ* 254, *въ болезнь/ни* 257, *напоисъ/те мя* 264б, *всь/пять* 303, *ненавись/ть* 303, *слабось/тьствомъ* 331; 2) *пожъжетъ* 34б (ср. *жгуще*), *о дань/нѣмъ* 44б, *блудь/ники* 67б, *мѣсь/те* 166б, *дъ/ни* 314б, *дъни* 181, *дъ/несъ* 328, *дъ/неи* 169, *наследь/никъ* 172б, *праведь/ника* 283б, *до седь/ми* 289.

Все остальные случаи связаны с согласными *р* и *ж*, относительно мягкости которых мы не можем говорить с уверенностью, ср. *смерь/те* 78, *смерь/ти* 337б, *вѣрь/нии* 225, *терь/питъ* 297б, *терь/пение* 323, *нестерьпимую* 415б, *стерьпитъ* 337, *Перьсиды* 390, *въ Перьсиду* и др. Судя по тому, что подобная мягкость /р'/ отмечена последовательно и только в отдельных словах, писец именно так, с мягким /р'/ их и произносил.

Отверждение согласного. 1) *съ/трашнаго* 32б, *сълаву* 69, 231, *госъ/поже* 73б, *возвъ/ратить* 77, *съ/ладяце* 88, *стѣ/рану* 92б, *съ/тарець* 102б, 201б, *хъ/валишися* 118, *шесть/твущи* 119, *съ/ладкими* 119б, *зѣ/лато* 153б, *съ/мрадъ* 171, *зѣ/лагола* 172б, *зѣ/рада* 188б, *съвоеи* 205, *монисъты* 208б, *съ/корбѣти* 220б, *въ/второе* 248б, *въ/рази* 253, *зѣ/ною* 270б, *тѣ/вою* 260б, *съкотѣхъ* 259, *съ/трахъ* 297б и нек. др.; 2) *грозънаго* 34, *расъ/тупятся* 41, *небесъною* 59, *жадъ/на* 62б, *красънымъ* 50б, *правъ/да* 275, *неправъ/ду* 125б, *молитьву* 185, *в мѣсь/то* 228, *чисъ/тымъ* 344б, *старь/цы* 413.

Есть разница в употреблении знаков *ь* и *ѣ* в изолированной и в слабой позиции. В изолированной позиции эти знаки используются чаще и притом имеют исключения, которые следует перечислить: *съ/мерть* 78, *постъ/рижесея* 88б, 89, *съ/лепыхъ* 103б, *съ/ветоносна* 268, *досъ/тигъ* 395 — с *ѣ* вместо ожидаемого *ь* и притом только в самом начале корневой морфемы.

В представлении писца имеется какая-то разница между изолированной и слабой позицией, и эта разница уже связана с его орфографическими навыками. Он различает, конечно, позиционную мягкость или твердость согласного и в изолированной, и в слабой позиции, но на письме не передает их последовательно — потому что синтагматические изменения фонем инкогда не передаются на письме последовательно. И в наши дни, забывшись, можно написать слово *няньчить* с мягким знаком, но только случайно. Такое написание, даже встреченное часто, не станет орфографическим эталоном, несмотря даже на соблазнительную проверку написанием *нянька*. И только в той позиции, которую мы назвали изолированной, произношение того или иного слова может проникнуть в орфографию и даже закрепиться в новом написании, уже не соответствующем произношению. Так, при закономерных и последовательных *съ/трана* и под. появляется написание *съ/лепыхъ*, уже не связанное с произношением, но восходящее к нему.

Возникает новая орфографическая традиция, которая, естественно, не закрепилась на письме и никогда не стала нормой. Даже в нашем тексте она ограничена началом корневой морфемы, ср., кроме *съ/лепыхъ*, также *къ/нига* и подобные этому примеры, возвращающие нас к проблеме древнерусских изолированных редуцированных, которые также раньше всего изменялись в данном

положении. В середине и в конце слова ничего подобного нет, в этих частях слова последовательно выдержан фонетический принцип нарушения орфографической традиции. Рассмотренные примеры имеют еще и то значение, что позволяют соотнести непроверяемые орфографические позиции с изолированными фонетическими позициями. Это не одно и то же. Новое написание может проникнуть первоначально только в непроверяемой позиции, но до этого оно должно стать нормой для изолированной позиции. Орфограмма всегда основывается на фонетическом изменении, обратное же невозможно.

С фонологической точки зрения, т.е. учитывая противопоставление согласных по мягкости-твердости, весь наш материал дает основание для следующей интерпретации.

Взаимная ассимиляция по мягкости-твердости (отражается в написаниях типа *мѣсто* — *мѣсте*) возможна только для сочетания зубного согласного с зубным же. Это значит, что в говоре писца только зубные согласные могли различаться по мягкости-твердости (именно такие сочетания и составляют почти половину всех примеров). Заднеязычные и губные согласные еще отличаются от зубных как постоянно твердые, не имеющие парных им мягких согласных. *Л* и *р*, видимо, близки к заднеязычным и губным, во всяком случае, после них обычно ставится знак ъ независимо от качества последующего согласного. Все остальные ассимиляции по твердости являются односторонними (только смягчение или, что чаще, только отверждение согласного в положении перед следующим согласным) и, следовательно, обозначают обычные попытки писца совместить графический знак конца строки с фонологической характеристикой фонемы — всегда твердой.

Вернемся к утверждениям о том, что после установления корреляции согласных по мягкости-твердости в старообрядческом произношении и письме „различение *е* и ѣ тщательно сохраняется. При этом различие состоит не в качестве самого гласного, но в том, что ѣ смягчает предыдущий согласный (подобно современному русскому *е*), тогда как перед *е* смягчения согласного не происходит (аналогично украинскому *е*)”¹². Это верно для современного литургического произношения старообрядцев: орфографическое противопоставление *безь* — *бѣзь* дает фонетические слоги [бэс] — [б’эс]. Разрыв между письменной и устной традицией налицо. Текст Цветника представляет собою совсем иную систему отношений. Здесь на месте ѣ почти последовательно пишется буква *е*; и наоборот, на месте „этимологического” *е* может в редких случаях писаться буква ѣ. Уже на рубеже XVII и XVIII вв. мы встречаем старообрядческую рукопись с новой системой обозначений, в которой противопоставление согласных по мягкости-твердости не передается графическим различением следующими за ними гласными *е* и ѣ. Фонемы /ѣ/ и /е/ совпали в (*е*), и буквы *е* и ѣ соответственно совпали в *е*, и каждый согласный, нахо-

¹² См.: Б. А. Успенский, указ. соч., стр. 29.

дящийся перед ними, очевидно, звучал мягко, во всяком случае, совпадал в одном качестве. Из этого наблюдения можно сделать тот вывод, что современное литургическое произношение старообрядцев, представляя собою безусловно архаическую систему, во многом условно даже по отношению к исходной („древнерусской“) системе. На это указывают и различия в произношении постоянно твердых или постоянно мягких шипящих. Перед нами традиция, основанная на действовавшей в прошлом тенденции к различению „мягкого“ и „твердого“ слогов, традиция, в которую со временем включились многие посторонние, первоначально ею не охватываемые явления. Это последовательное обобщение искусственного принципа, который расшифровывается только в целом, принципиально, но не по отношению к каждому отдельному набору или сочетанию фонем в пределах словоформы. Ясно, что слоги *нѣ* — *не* когда-то различались разной степенью мягкости (как формулирует эту тенденцию Л. Л. Васильев), но какое именно свойство этих слогов, какой признак составлявших их гласных или согласных в подобном различении участвовал, и в какое время, и по отношению к каким типам согласных — этого на основе только современного старообрядческого произношения сказать нельзя. В какой-то точке прошедшего произносительная традиция пресеклась, орфографическая традиция изменилась, а взаимоотношение этих двух традиций стало качественно иным. Механическим совмещением орфографической и произносительной традиций теперь уже не расшифровывается ни та, ни другая традиция — и именно потому, что это традиция.

В этом результате и заключается основной смысл нашего исследования. Новая орфография не есть скачок, резкий разрыв традиции, это постепенное, имеющее свои закономерности отложение на письме длительного процесса фонологического и грамматического изменения — в зависимости от слов, от форм, от фонетических позиций в словоформе. Новая орфография не связана непосредственно с произношением; более того, она вовсе не связана с произношением. Произношение слова или словоформы способно нарушить прежние орфографические связи и разорвать их, но не создать новую орфографию. Новая орфография создается на основе самых глубинных и устойчивых процессов — фонемных изменений. Наша рукопись еще раз указывает на чистую условность связи между нормативным в письме и нормативным в произношении. Произношение писца в данном случае прогрессивнее старой письменной нормы и архаичнее современной ему произносительной московской нормы. В его собственной системе произношения только-только начинает формироваться противопоставление согласных по мягкости-твердости, распространяясь пока лишь на зубные согласные; в московском произношении его времени такая корреляция охватывала уже почти все типы согласных. Вместе с тем орфографические навыки писца прогрессивнее современной ему московской орфографической нормы — если только все такие нарушения нормы позволительно назвать „новой нормой“. Мы имели бы на

это право, если бы такие отклонения от старой орфографии впоследствии закрепились на письме и стали всеобщими. Этого не случилось; перед нами один из тупиков орфографического развития, который вызывает на поучительные размышления и дает материал для типологического изучения проблемы „двух норм”.

Вместе с тем, это возвращает нас и к фонемному составу произносительных исключений: *сердеце* и *солнеце*. Принимая во внимание все сказанное выше о мягкости согласных в речи писца, мы должны реконструировать его произношение как (с'ерд'ец'е) и (солн'ец'е) — поскольку фонологическая мягкость зубных в его системе доказана. И в этом отношении „промежуточное звено” не дает никакого подтверждения тому мнению, будто современное литургическое произношение (сэрдэцэ) с твердыми согласными восходит непосредственно к древнерусскому произношению и является архаизмом. Его происхождение вполне может быть и иным, например, такое произношение может быть связано со вторичным воздействием юго-западного церковного произношения.

Основной результат всех наших сопоставлений достаточно ясен: системное взаимоотношение различных фонетических явлений, расшифрованных по рукописи, безотносительно к современному произношению; целая цепь последовательных во времени реконструкций такого типа; четкое разграничение „правильного” и „обычного” как на письме, так и в произношении — это подготовка к последующим заключениям широкого плана. В таких условиях и для таких целей каждая отдельная рукопись — уникальный источник и звено в цепи реконструкции. Ценность не изученных пока рукописей XVII и XVIII вв. вообще невозможно преувеличить — она бесспорна.